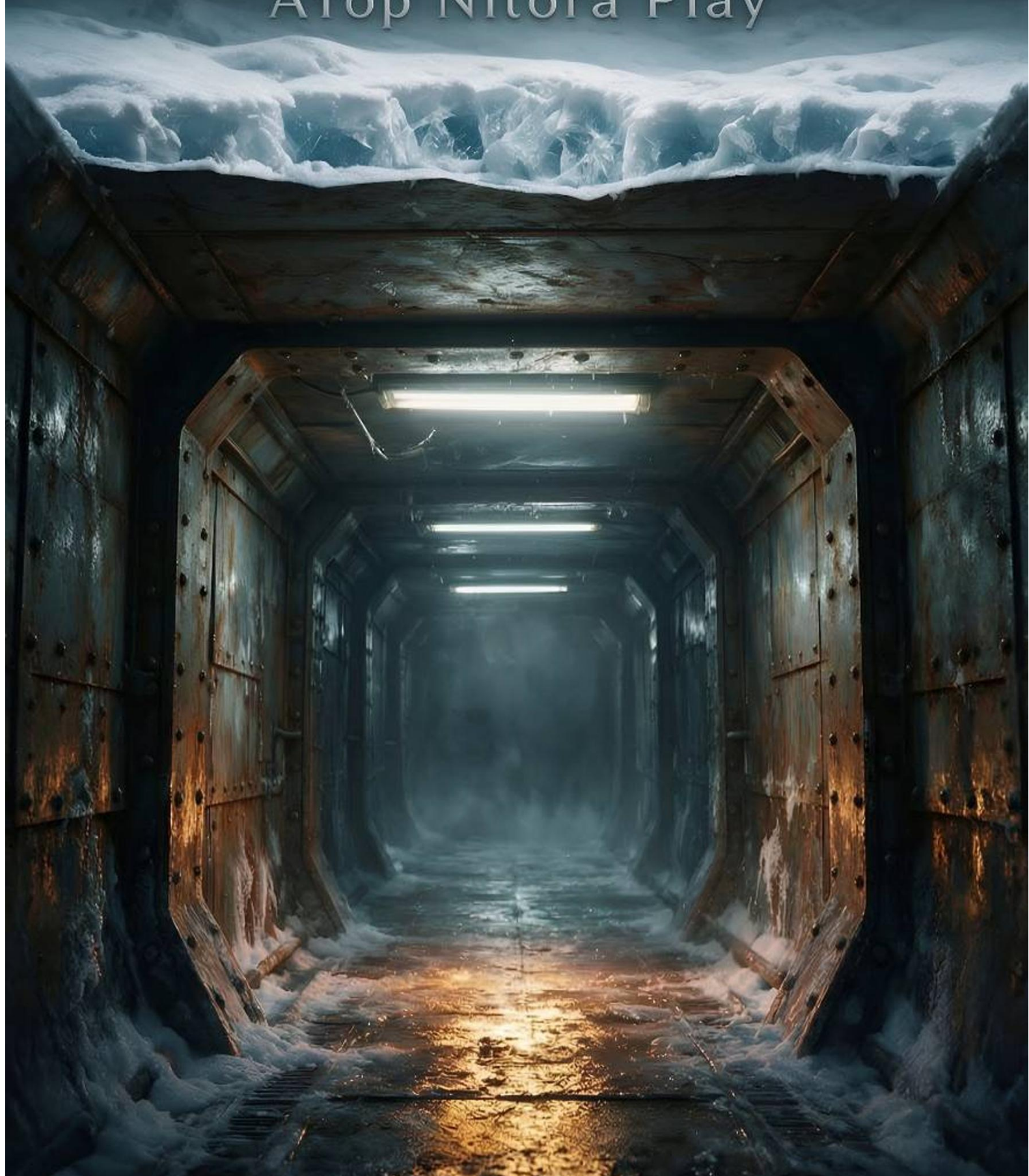


ДЕНТА

Атор Nitora Play



Nitora Play

Дента

«Автор»

2026

Play N.

Дента / N. Play — «Автор», 2026

Через триста лет после гамма-вспышки человечество ютится в подземных бункерах на замёрзшей планете Дента. На поверхности — минус сто тридцать, ядовитый воздух. Внизу — ржавый металл и системы, которые умирают быстрее, чем их чинят. Каждый год искатели выходят на семь дней — найти геотермальные карманы, единственный шанс спасти бункер от замерзания. В этот раз всё идёт не по плану. Вэйра, медик бункера, принимает решение, которое меняет всё. Риз, её возлюбленный и капитан искателей, уходит на поверхность без одного из своих людей. Внизу Вэйра остаётся ждать. Семь дней. Но ожидание становится испытанием. В стенах бункера она замечает то, мимо чего проходила годами: воздух меняется, металл остывает. Их мир рассыпается быстрее, чем они думают. А наверху — молчание. Когда рация замолкает, Вэйра оказывается перед выбором: ждать или рискнуть всем.

Nitora Play

Дента

Глава 1

Пролог — «Тёплые зоны Денты»

С тех пор, как гамма-вспышка прожгла небо, прошло почти триста лет. Но мир наверху так и не оттаял.

На поверхности Денты зимой держатся чудовищные морозы — минус сто десять, минус сто тридцать. Летом становится лишь немного мягче: минус восемьдесят, минус девяносто, и то под свинцовыми тучами. Ветер легко валит с ног даже человека в тяжёлом костюме, а открытая кожа схватывается льдом за считанные секунды. Воздух ещё есть, но он разреженный, ядовито-холодный, с повреждённым химическим составом: без шлема и фильтров лёгкие обжигает так, будто ты делаешь вдох в открытом космосе.

Люди давно ушли под землю.

Их дом — не один бункер, а целая сеть старых шахт, переоборудованных галерей и герметичных отсеков, врезанных в скальное основание на глубине полукилометра. Когда-то здесь добывали редкие металлы. Потом — прятались от холода. Теперь это единственное место, которое они называют домом.

Коридоры узкие, потолки низкие, стены пахнут ржавчиной и машинным маслом. Над головой — не небо, а ребристые металлические перекрытия. Вместо солнца — тусклые лампы, включающиеся по графику, чтобы хотя бы приблизительно имитировать рассвет и закат. Каюты тесные, столовые всегда переполнены, а в медпункте до сих пор чинят оборудование, которому давно пора на замену, если бы замена вообще существовала.

Вентиляция гудит круглые сутки. Этот звук стал таким же привычным, как дыхание. Потому что все знают: если генераторы замолчат, холод поднимется из пола и за несколько часов вытянет из сектора всё тепло.

За три столетия люди выжили только ценой постоянных потерь. Металл стареет. Трубы лопаются. Отопительные контуры один за другим выходят из строя. Каждый отказ — это ещё один отсек, где приходится снижать температуру, ещё один коридор, где уже нельзя жить без риска.

Поэтому Дента для них — не просто проклятый лёд. Это последний шанс найти новые источники тепла, пока старые системы не умерли окончательно.

И шанс этот всё ещё существует.

Где-то под ледяной корой, там, где порода тоньше и планета ещё хранит остатки внутреннего жара, лёд подтаивает снизу и проваливается, образуя огромные полости — геотермальные карманы. Воздух там всё ещё холодный, но уже не смертельный. Там можно дышать без шлема. Там можно подцепиться к самому нутру планеты, ставить новые отопительные контуры, переносить часть систем из изношенных шахт туда, где Дента сама подогревает лёд снизу.

Каждый такой карман — это много лет жизни. Много лет без аварий. Много лет без замёрзших комнат и новых имён на стене памяти.

Иногда над такими пустотами лёд истончается до нескольких метров. Тогда редкие лучи солнца пробиваются сквозь мутную толщу и попадают внутрь — не как настоящий день, а как забытая тень света. Лёд начинает светиться изнутри голу-

бым, бирюзовым, молочным. Своды переливаются, будто под ними не камень, а само небо. Лёд под ногами становится похож на застывшее море, а капли талой воды на стенах собирают свет в крошечные холодные звёзды.

Но добраться до них почти невозможно.

В этих пустотах ещё нет жизни, к которой привыкли люди. Но именно здесь её можно вернуть.

На поверхность люди выходят только раз в год — на семь суток. Дольше не выдерживают ни костюмы, ни запасы, ни сами искатели. На восьмой день фильтры начинают врать, баллоны пустеют, а усталость превращает осторожность в смертельную ошибку. Семь дней — и обратно. Это правило, которое никто не оспаривает: все, кто пытался нарушить его, остались на Денте навсегда.

Если физики не ошиблись. Если подо льдом и правда тянется цепочка тёплых карманов. Если кто-то сумеет дойти и вернуться с координатами.

Тогда у людей Денты появится не только надежда.

Появится путь вперёд.

Глава 1 — «Семь дней»

Этим утром я проснулась совсем рано — будильник ещё даже не успел прозвенеть, а я уже была на ногах. Риз всё ещё лежал в кровати, но уже приоткрыл глаза и с ехидной улыбкой потянул ко мне руку.

— Полежи со мной ещё пару минут — и пойдёшь, — прошептал он и лёгким движением, взяв меня за руку, потянул к себе.

Я улыбнулась ему в ответ — и, встретившись с его зелёными глазами, нарочно отстранилась, оставляя, между нами, те несколько сантиметров, которые всегда сводили его с ума.

— Вэээй, — ласково, но настойчиво произнёс он.

Моё сердце застучало быстрее, и я больше не смогла сопротивляться. Я присела к нему на край кровати и медленно провела ладонью по его коротким чёрным волосам, а затем скользнула пальцами по шее, чувствуя под кожей твёрдые, упругие мышцы — тело того, кто слишком часто проводит время в тренажёрном зале и симуляторе.

Он тут же перехватил мою руку, прижался к ней щекой и закрыл глаза, изображая полное блаженство. Я знала этот его трюк: сейчас он притворится спящим и, стоит мне попытаться встать, мгновенно откроет глаза и посмотрит так, будто я его предала.

— Риз, — прошептала я, — мне правда нужно идти. Сегодня важный день, сам знаешь.

Он, не открывая глаз, нахмурился, но руку мою не отпустил. Наоборот, сжал её крепче и положил себе на грудь. Под его тёплой ладонью я чувствовала, как ровно и спокойно бьётся сердце. Это убаюкивало.

— Какой такой важный день? — пробормотал он всё ещё с закрытыми глазами. — День, когда ты встаёшь ни свет ни заря и будишь нормальных людей? По-моему, это ужасный день.

Я тихо засмеялась и свободной рукой легонько стукнула его по плечу.

— Нет же, глупенький, — ненавязчиво напомнила я. — Сегодня у нас на обследование придёт твоя команда. Вы же завтра отправляетесь в Денту.

Я тут же загрустила: знала, что он не любит об этом говорить, потому что это означало наше расставание на семь дней. И он всеми способами пытался избегать таких разговоров.

Он мгновенно отпустил мою руку и отвернулся к стене. Наша маленькая комната в бункере была тесной всегда, но сейчас словно сжалась ещё сильнее. Узкие стены, обшитые тусклым металлом, почти сходились над кроватью, а из-под потолочной панели тянуло сухим холодом вентиляции.

Я сидела неподвижно, глядя на его напряжённую спину. Тишина в комнате повисла тяжёлая, как воздух перед бурей. Только слабое гудение систем напоминало, что мы не одни в этом подземном мире.

— Риз... — тихо позвала я, но он не шевельнулся. Его широкие плечи слегка напряглись, выдавая, что он слышит. — Я тоже не хочу, чтобы ты уезжал. Но Дента... это важно. Для всех нас.

Он медленно повернулся, всё ещё не открывая глаза полностью, — лишь прищуром посмотрел на меня из-под тёмных ресниц. В его зелёных глазах мелькнула тень боли, которую он так старательно прятал за ухмылками.

— Семь дней, Вэйра, — хрипло сказал он. — Семь дней без твоего голоса по утрам. Без твоих рук в моих волосах. Как я это переживу?

Я наклонилась ближе и коснулась его щеки. Он поймал мою ладонь и прижал к губам — уже не игриво, а по-настоящему нежно.

— Переживёшь, мой Вэйрик, — шепнула я, вспомнив наше ласковое прозвище. — Потому что вернёшься ко мне. И тогда... положим целую вечность.

На секунду я замялась, потом, высвободив руку из его ладони, сняла с запястья тонкий матерчатый браслет — выцветшую полоску ткани с крошечной металлической застёжкой, когда-то выменянный у техников.

— Держи, — я вложила браслет ему в ладонь и сжала её. — Чтоб не забывал, кто тебя ждёт внизу.

Он развернул пальцы, посмотрел на браслет, а потом — на меня. Улыбка стала мягче, глубже. Он аккуратно намотал полоску себе на запястье, затянул застёжку зубами и показательно дёрнул рукой.

— Теперь точно придётся вернуться, — хрипло усмехнулся он. — Иначе ты найдёшь способ придушить меня этим же браслетом.

Он снова улыбнулся — той самой улыбкой, от которой у меня всегда замирало сердце.

— Обещаешь?

— Клянусь звёздами Денты.

Риз вдруг рывком притянул меня к себе, обхватил за талию и, легко перевернув, повалил на кровать. Металл под тонким матрасом глухо звякнул, я тихо вскрикнула и тут же рассмеялась, уткнувшись лбом ему в плечо. Его руки сомкнулись вокруг меня крепче, тёплые, надёжные, и на секунду показалось, что никакой Денты не существует — есть только мы и этот узкий прямоугольник кровати в тесной каюте.

Резкий писк будильника разорвал момент. Время пришло.

По коридору я почти бежала, цепляясь плечом за прохладные металлические стены и перескакивая через жёлтые маркировочные полосы на полу. Понимая, что я уже опоздала, я ввалилась в медпункт, накидывая на ходу белый халат поверх тёмного комбинезона. Просторное помещение с высоким потолком, светлыми панелями стен и широким экраном-окном вместо настоящего казалось ещё ярче после полутьмы коридора. В центре стоял широкий стол-консоль с врезанными панелями управления и разложенными инструментами, рядом на гибкой штанге возвышался белый корпус робота-диагноста: гладкий, безликий, с тонкими манипуляторами и зелёным светом индикаторов над оптическим модулем. По одну сторону от основ-

ного зала тянулся ряд встроенных шкафов и модулей хранения, по другую — гермодверь в отдельную палату для пациентов, откуда доносился приглушённый шелест фильтров и тихое попискивание аппаратуры.

Кира, моя напарница, уже была на месте — она стояла у пульта, проверяя данные обследования. Услышав мои шаги, она подняла голову и бросила на меня быстрый взгляд поверх очков. Она выглядела младше своих лет — худая, тёмноволосая, с вечно сползающими очками и усталым, но цепким взглядом.

— Вэйра, ну ты даёшь! — усмехнулась она, протягивая мне планшет. — Команда Риза на подходе, а ты как с похмелья.

Я закатила глаза, но улыбнулась, завязывая халат. Кира всегда знала, как разрядить атмосферу одним взглядом.

Зайдя в уборную перед осмотром, я поняла, что внутри меня жуткий озноб: руки трясутся, тело кидает в жар, а на лбу выступают капли пота. Каждый год в эти дни я живу как на иголках, боясь за жизнь Риза. Поверхность давно стала непригодной, и неизвестно, что его там может поджидать.

Посмотрев в зеркало, я сказала себе: «Не время паниковать». В отражении на меня смотрела бледная девушка с россыпью веснушек на носу и упрямо сжатыми губами. Я кивнула сама себе, забрала рыжие, немного растрёпанные волосы в хвост на макушке, умылась ледяной водой и только потом пошла встречать искателей.

Наша утренняя бригада была в полном составе: я, Кира и белая туша роботодиагноста, которого мы шутливо записывали третьим в графике дежурств.

— Вэээйра! — протяжно крикнул с порога Кайл, распахнув руки для объятий. Он всегда мне нравился своим неиссякаемым позитивом: высокий, тёмнокожий, с широкими плечами и улыбкой, которая освещала весь кабинет. Кайл всего на два года старше Риза, которому уже двадцать пять, но у него уже жена и двое детей.

Я рассмеялась и шагнула навстречу, позволяя ему заключить меня в свои медвежьи объятия. Кайл пах морозом и металлом — запахом, который всегда сопровождал искателей после тренировок в симуляторе.

— Кайл, ты, как всегда, в форме! — отстранилась я, хлопнув его по плечу. — Готов к завтрашнему? Дента ждёт.

Он ухмыльнулся, блеснув белоснежными зубами, и кивнул в сторону двери, где уже маячили остальные.

— Готовы рвать лёд, док! А капитан Риз где? Опять пропустил тренировку из-за твоих чар?

За его спиной показался Риз — зелёные глаза сразу нашли меня в толпе, и он улыбнулся той самой улыбкой, от которой внутри всё таяло. Остальные трое — молчаливый Торин, остроглазая Лена и Марк — неторопливо снимали снаряжение, перебрасываясь шутками. Команда в сборе. Я заметила, как Марк на секунду задержал взгляд на Лене — слишком долгий для обычного взгляда, слишком тяжёлый для случайности. Но тут же отвёл глаза, уперев их в стену за её спиной. Я не придавала значения: у Марка всегда было такое лицо, когда он что-то скрывал. А Лена... она просто сделала вид, что не заметила.

— Ладно, команда, — скомандовала я, отходя к пульта и активируя протокол обследования Д-7. Узкий биосканер у стены тихо загудел, вспыхнули зелёным индикаторы старого, но надёжного моноблока. Кира уже подключила датчики, а её пальцы порхали по экрану. — Раздевайтесь до пояса, все на весы и сканеры. Пульс, давление, нагрузочные тесты — стандарт. Риз, ты первый, капитан.

Он усмехнулся, стягивая через голову свитер, и, подмигнув, прошептал:

— Только если ты лично проверишь.

Кайл заржал, хлопнув Марка по спине, а Лена закатила глаза. Атмосфера разрядилась, но внутри меня всё ещё дрожало от утреннего озноба. «Семь дней», — эхом отозвалось в голове.

Четверо прошли обследования безупречно — сканеры мигали зелёным, пульс бился ровно, показатели иммунитета и реакции на нагрузку сияли идеальными цифрами. Торин, Лена и Марк уже оделись, перекидываясь шутками, а Риз, как всегда, подмигнул мне напоследок, прежде чем одеться.

— Кайл, твоя очередь, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Он хлопнул меня по плечу, улыбнулся своей широченной улыбкой и лёг на кушетку, закинув руки за голову, — расслабленный, уверенный, готовый к чему угодно.

Я наложила датчики на его грудь, запустила кардиограмму и уже отвернулась к планшету, чтобы записать очередные зелёные цифры.

Но вдруг аппарат издал тихий, предательский писк.

Я замерла. На экране дрогнула красная линия — короткий, неровный всплеск там, где должна была тянуться ровная зелёная волна. Я моргнула, подумала: «Помеха, просто помеха». Запустила сканер повторно.

Писк повторился.

Я вгляделась в цифры, чувствуя, как внутри всё начинает леденеть. Аритмия. Нагрузка на миокард выше нормы. И самое страшное — риск фибрилляции под экстремальным холодом. Я перечитала строку раз, второй, третий, будто надеялась, что цифры изменятся, если посмотреть на них под другим углом.

Они не изменились.

Кайл тем временем болтал с Кирой о том, как в прошлом году они нашли в одной из пустот целый зал со сталактитами, похожими на кристаллы. Я слышала его голос, но словно сквозь толщу льда — приглушённо, далеко, будто я уже была там, наверху, а он оставался внизу.

— Ну что, док? — он приподнялся на локтях, глядя на меня с улыбкой. — Всё в порядке? Я же говорил — я в идеальной форме.

Я сглотнула. В горле стоял ком, который я не могла проглотить.

— Да, — выдавила я. — Всё... всё хорошо. Просто стандартная процедура.

Я отвела взгляд, сделала вид, что что-то проверяю в системе, хотя на самом деле просто не могла смотреть ему в глаза. Я не знала, как сказать ему это. Дента была всей его жизнью. Отобратить выход — значило вырвать у него душу, оставить в бункере, пока другие рвут лёд. Кайл всегда шёл первым. Подхватывал уставших, тащил груз, стоял между Ризом и опасностью ещё до приказа. А я стояла между ним и Дентой с красной линией на экране.

Я ещё раз пробежала глазами по показателям, надеясь найти хоть одну неточность, хоть один сбой, который можно было бы списать на старый датчик или помеху в сети. Ничего. Цифры были жестокими и неумолимыми.

Если сердце сдаётся в тепле бункера, на Денте оно остановится за считанные часы. Я видела такие протоколы. Я знала каждую строчку вскрытий, каждое имя на стене памяти.

— Кира, — позвала я, — будь добра, выпроводи остальных. Мне нужно... кое-что обсудить с Кайлом.

Кира взглянула на меня поверх очков — и по тому, как на мгновение застыло её лицо, я поняла: она уже знает. Она прочитала цифры через моё плечо и поняла раньше, чем я успела произнести хоть слово.

Она молча кивнула и, придумав какой-то предлог, вывела команду за дверь.

Я осталась наедине с Кайлом. С его улыбкой, которая ещё не знала, что сейчас погаснет. С его тёмными глазами, в которых ещё теплилась уверенность.

— Что не так? — протяжно спросил он, и в его голосе впервые мелькнула тень тревоги.

Я хотела сказать что-то ободряющее. Что-то про «мы справимся», про «через год», про «это не конец». Но все слова рассыпались.

Я подняла взгляд и медленно протянула к нему руку, словно пытаюсь удержать его там, где ещё безопасно.

— Кайл, послушай... аппаратура зафиксировала отклонения в ритме твоего сердца, — тихо проговорила я.

Я запнулась, потому что следующие слова застряли в горле.

— Я не могу допустить тебя к выходу на поверхность.

Он смотрел на меня так, будто я сказала что-то на чужом языке.

— Это шутка? — спросил он тихо, почти шёпотом.

— Я не шучу, Кайл. Я проверила трижды.

— Да я прекрасно себя чувствую! — отведя мою руку, он резко опустил на пол и принялся отжиматься, будто силой мышц мог переубедить бездушные приборы.

Он отсчитал десяток раз, потом ещё несколько — движения были резкими, упрямыми, но я видела, как на виске выступила тонкая блестящая полоска пота и едва заметно дрогнули мышцы на шее. На миг мне показалось, что дрожит не его тело, а воздух вокруг, натянутый, как трос между двумя пропастями.

Кайл тяжело поднялся на ноги, стряхивая ладони о комбинезон. Он дышал ровно, слишком ровно, пытаясь задавить подступающую панику демонстрацией силы. — Ну что, док? Теперь-то ваша машина довольна?

Я ничего не ответила. Отложив планшет, я выдвинула верхний ящик шкафчика. Порылась среди мотков проводов, старых фиксаторов и пустых ампул. Пальцы наткнулись на холодный хромированный металл. Я достала старый механический стетоскоп — тяжёлый, с потёртыми резиновыми трубками — и привычным движением вставила оливы в уши.

Не говоря ни слова, я шагнула к нему вплотную. Кайл замер, глядя на меня сверху вниз. Его широкая грудь всё ещё часто вздымалась, по ключице ползла капля пота.

— Прикрой глаза, — мой голос прозвучал тише, чем гудение вентиляции. — Просто дыши.

Он хотел съязвить, уже приоткрыл рот, но встретился со мной взглядом и промолчал. В наступившей тишине было слышно только тяжёлое дыхание Кайла и далёкий гул генераторов.

Тук... тук-тук... ТУК... Звук был громким, сотрясающим саму мембрану. А затем — пугающая, звенящая пустота. Пауза длилась долю секунды, но для моего уха она растянулась в вечность. Сердце пропустило удар. И когда оно сократилось снова, это был рваный, спотыкающийся толчок — эхо, запоздавшее на такт.

Затем я вытащила оливы из ушей и повесила стетоскоп себе на шею. Звук собственного дыхания показался мне оглушительным.

— Это не аппаратура, Кайл, — тихо сказала я. — Это твоё сердце пропускает удары прямо сейчас. Здесь, в тепле.

— Послушай, это не конец, — мягко произнесла Кира. Её узкие плечи под чуть великоватым белым халатом были напряжены, тёмные волосы, собранные в низкий хвост, выбивались тонкими прядями у висков, а строгие очки всё время сползали к

концу носа — она машинально подпихивала их вверх, не отводя взгляда от монитора. В её мягком, почти ласковом голосе слышалась сталь человека, который привык держать чужие жизни на кончиках пальцев и не имеет права дрогнуть, даже когда очень хочется отвернуться.

— Мы испробуем все доступные нам методы лечения, и через год ты сможешь попробовать снова, — тихо добавила она.

— Вэй, ты же знаешь, я ждал завтрашнего дня целый год, — хрипло выдохнул Кайл. — Я готовился больше всех. Я должен идти.

Я смотрела на него, чувствуя, как внутри всё сжимается. Я уже сказала ему всё, что могла. Цифры. Диагноз. Риск. Осталось только то, что нельзя сказать словами.

— Прости, — прошептала я. — Я не могу тебя отпустить.

Он замер. На секунду мне показалось, что он сейчас просто взорвётся — ударит кулаком по стене, опрокинет стойку с инструментами, закричит так, что услышат в соседних секторах. Но нет его челюсть сжалась до белизны, на скулах заходили желваки, а руки, висевшие вдоль тела, сжались в кулаки с такой силой, что побелели костяшки.

Я видела, как он борется с собой. Как воздух входит в его лёгкие через силу, как плечи поднимаются и опускаются слишком глубоко, слишком контролируемо, будто каждое дыхание требовало от него нечеловеческих усилий.

— Ты хоть понимаешь, — начал он, и голос его был низким, сдавленным, будто он выдавливал слова сквозь сжатые зубы, — что это для меня значит?

Я не нашла слов, чтобы ответить.

Кайл снова замолчал. Его взгляд на мгновение метнулся в сторону — туда, где на стене висела карта пустот. Туда, где была Дента. Туда, где его не будет.

— Прости, — повторила я тихо, хотя знала, что это ничего не меняет.

Он резко, почти с силой, провёл ладонью по лицу, стирая с него всё, что я могла бы прочесть. И когда он убрал руку, там была маска — та самая, которой он прикрывался от мира, когда нужно было быть сильным.

Кира шагнула к нему, коснулась пальцами его локтя, но он мягко, но настойчиво отстранился.

— Всё нормально, — сказал он, и его голос звучал ровно, слишком ровно для человека, у которого только что отняли целый год. — Я понял.

Кайл молча развернулся к двери. Его шаги были ровными, почти нарочито спокойными, но по тому, как он слишком резко нажал на сенсор замка, я поняла — внутри его рвёт на части.

У порога он на мгновение задержался. Не обернулся. Просто стоял, глядя в металл двери, и я видела, как напряглись мышцы на его шее, как дрогнула рука, сжатая в кулак.

Потом он вышел.

Дверь мягко сомкнулась за его спиной, и стерильная тишина медпункта обрушилась, как снег с перекрытий. Я успела только вдохнуть — и воздух заскрипел в горле. Горячие слёзы прорвались без предупреждения, потекли по щекам солёными дорожками, и я даже не попыталась их вытереть.

Кира молча подошла ко мне, положила руку на плечо, не говоря ни слова. Мы стояли так несколько минут — пока моё дыхание не выровнялось, и пока слёзы не высохли на коже, оставив солёные дорожки.

— Я знаю, что ты сделала правильно, — тихо сказала она. — Но от этого не легче, да?

Я покачала головой.

— Иди. Отдохни. Я здесь всё доделаю.

Я кивнула, не в силах выдавить ни звука. Горло всё ещё сжимал спазм, а в висках стучало. Я скинула белый халат на стул, оставшись в тёмном комбинезоне, и вышла из медпункта.

Коридор встретил меня привычным гудением вентиляции. Но у поворота я споткнулась.

Пол под ногами просел на сантиметр. Я схватилась за стену и посмотрела вниз.

На жёлтой полосе зияла трещина со свежим сварочным швом. Но металл вокруг уже разошёлся на два пальца.

— Вот чёрт, — прошептала я.

Впереди мелькнула фигура. Бен нёс сварочный аппарат и шёл именно сюда.

Бен — техник-сварщик внутреннего контура, один из тех, кто поддерживает саму возможность жизни в бункере. Он не герой, не искатель, не командир. Он — ремесленник апокалипсиса, человек, который каждый день сражается с умирающим металлом, зная, что однажды может не успеть.

— Ты это видела? — спросил он, кивнув на трещину.

— Только что, — ответила я. — Шов свежий, а уже разошёлся.

Бен присел, провёл пальцем вдоль разлома — не касаясь, просто оценивая.

— Это точечная коррозия изнутри. Снаружи выглядит как новый, а внутри уже как решето.

Он поднял на меня взгляд — тёмно-серые, почти стальные глаза, в которых не было ни страха, ни удивления. Только сосредоточенность человека, который слишком долго смотрел на умирающий металл.

— У тебя точно всё в порядке? — спросил он.

Я кивнула.

Бен помолчал, потом медленно поднялся. Он был не высоким, но плотным, с широкими плечами и руками, которые даже в тонких перчатках казались слишком крупными для такой тонкой работы. На его комбинезоне, выцветшем от постоянной стирки, виднелись пятна смазки и припалившиеся искры — следы сотен часов у сварочного щита.

— Такие трещины теперь каждые два дня, — сказал он ровно. — Раньше было раз в месяц. Потом раз в неделю. Теперь — чаще.

Я почувствовала, как внутри всё холодеет.

— Бен... — тихо начала я. — Ты думаешь, мы...

Он усмехнулся — коротко, без улыбки в глазах.

— Я не думаю, Вэйра. Я считаю. — Он кивнул на трещину. — Каждый шов держит меньше предыдущего. Каждый контур даёт сбой быстрее. Каждый сектор требует больше заплат, чем металла.

Он сделал паузу, и в его голосе впервые прозвучало то, что он так тщательно прятал за спокойствием.

— У нас не больше пяти лет, — сказал он тихо. — Максимум. Если не найдём новый источник тепла... если не переберёмся туда, где Дента сама греет...

Он не закончил. И не нужно было.

Я медленно провела ладонью по стене коридора. Холодный, рифлёный металл. Когда-то он был новым. Когда-то он был прочным. Когда-то он был нашим спасением.

Теперь он был нашим гробом.

— Пять лет, — повторила я, и голос предательски дрогнул.

Бен кивнул.

Конец первой главы